

БЕГ ПО УКАЗУ ПРЕЗИДЕНТА¹

Очерки по этнопедагогике

Анатолий Цирульников

Мы едем–едем–едем в далёкие края, как написал С. Михалков. Мы — это я, мой провожатый по Якутии Николай Бугаев — учёный из Института национальных школ и Геннадий Решетников — заместитель начальника Управления образования по инновациям. Он пришёл в систему образования из физики. Говорит, что физика — гуманитарная наука, в ней много гипотетичности и образности.

Хотя то, чем Решетников и Бугаев занимаются, скорее похоже на возрождение традиции. Эти двое, да ещё сколько-то человек, да сорок шесть школ в разных районах Якутии, связанных между собой, — некая сеть. Её смысл вырисовывается из нашего путешествия постепенно; какой смысл говорить «новация» или «традиция», национальная школа или общечеловеческая — не объяснив, что это означает.

Собственно, всё и началось в школе, руководителем которой был Геннадий, и продолжилось, когда тот стал администратором районного масштаба, а потом подключились другие.

И вот мы едем с ними на ночлег к кузнецу.

Почему к кузнецу? Потому что он делает воину меч, а шаману побрякушки.

В иерархии ценностей кузнец стоит на первом месте (выше только горшечница, но она женщина и демиург), «кузнец сильнее шамана», сказано в мифологии, «шаман сильнее воина».

Хотя вообще-то все не слабые.

Мирный, умудрённый жизнью кузнец — ловит стрелы руками.

Если воин благороден (выстрелив из лука, кричит противнику: «Эй, летит оружие, берегись!»), его отношения с другими фигурами эпоса складываются хорошо. Но если воин бесчестен, его ждёт возмездие.

По якутским обычаям, рассказывают мне спутники, при рождении ребёнку не давали имени, хотя затем у него их могло быть несколько. Первое имя давали в возрасте от трёх до семи месяцев, когда ребёнок начинал держать голову и самостоятельно сидеть (первое проявление «я»). Тогда он получал ласкательное имя — у богатых и нарочито пренебрежительное — у бедных (чтобы оберечь от злых духов). Это первое имя было временным и исчезало, когда ребёнок нарекался вторым именем. Его давали в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет, оно у всех было ласкательным и отражало черты характера или физического облика. Это имя давалось навсегда. Потом проходило ещё какое-то время, ребёнок вырастал и ко второму имени добавлялось третье — говорившее о принадлежности человека к какому-то роду деятельности. Проявил себя как кузнец, мастер — получи имя и с ним — пропуск во взрослость. А нет — сиди ещё вместе с детьми, — объяснял мне Бугаев хитрости якутской педагогики.

Ну, пора рассказать что-нибудь о моём проводнике.

В классе сидели десять первоклассников и четыре четвероклассника. Он был в первом классе, старался быстрее справиться со своим заданием и послушать, что там инте-

1

Журнальный вариант.
Полностью книга
опубликована:
Цирульников А.М.
Девять ночлегов с
воином, шаманом
и кузнецом //
Сельская школа
со всех сторон. 2003.
№ 3 (56).

ресного им по истории рассказывают. Его перевели во второй класс. Но тут пришли времена «неперспективных деревень», школу закрыли и ему с родителями пришлось переехать в другое место. Сколько раз они переезжали? Сколько у него было школ — шесть? Ещё на севере, в селе около Русского устья, в школу его не отдавали и какое-то время он был предоставлен самому себе. Тоже школа... Получается, в семи школах учился.

Одновременно с обычной закончил заочно физико-техническую школу при МФТИ, получил приглашение. Но поступил в Якутск, на филологический факультет университета. У учителей это вызвало удивление, а секрет заключался в его семье: сколько он себя помнил, в ней всегда царил культ книги. Когда в очередной раз переезжали, родители давали ему небольшой старенький чемоданчик, тогда были такие — фанерные, с металлическими уголками, и предоставляли право взять с собой столько книг, сколько войдёт в этот чемоданчик. Он помнит, как сидел перед выбором, взять — не взять, а остальные нёс друзьям. Позже он проанализировал, какие книги умещались в том фанерном чемоданчике, и пришёл к выводу, что одни и те же...

Когда пришёл молодым учителем в школу, наставил в классе всем двоек и колов и сказал: а теперь будем исправлять. Администрации это не понравилось. Стали говорить: а ещё он в джинсах ходит. А ещё на стол может сесть. Давайте его снимем. А я, говорит Бугаев, был молодой, эпатированный, написал доклад в Институт усовершенствования учителей, и когда собрались из школы уволить как профнепригодного, пришёл похвальный диплом. Это его спасло.

Были перестроечные времена, он уже работал в Институте усовершенствования. Ездил по стране, учился, как многие тогда, у педагогов-новаторов и писал об этом. Одну его статью напечатали, у начальства это вызвало удивление — человек умеет писать. Ему предложили осветить августовское совещание работников образования

в республиканской прессе. Доклад секретаря обкома привёл его в ужас, и он осветил. После публикации раздался звонок из обкома. «Я такой-то секретарь, хочу встретиться, поговорить насчёт вашей статьи». Он ответил: «Приезжайте, если хотите, мой адрес такой-то...»

Времена были либеральные, но если бы хорошо относившийся к нему лично начальник не отправил его задним числом в отпуск...

Вечно попадал в какие-то истории. В институте, где работал, сокращали пенсионеров. Он встал на собрании и сказал, что у якутов есть поговорка: «Пряча в котомке стариков, всегда спрашивай у них совета». Рассказал историю: когда предки шли к Лене, было решено убить стариков, чтобы те не мешали передвижению остальных. А один юноша спрятал старика-отца в перемётной суме и благодаря его советам благополучно добрался до места.

Администрация с интересом выслушала эту историю. Ему пришлось уйти вместе с пенсионерами.

...Мы едем-едем-едем. У человека три души, продолжают развивать мои спутники якутскую модель личности: земля-душа, то есть моя плоть, душа-воздух — моё психическое и мать-душа — духовное.

Если заболит земля-душа, её лечат в больнице, если воздух-душа — в психушке, а если мать-душа — в тюрьме. Но она не излечивается... Потому что наличие этих трёх душ ещё не делает меня человеком. Нужен ещё «сюр», энергетический стержень, проходящий через позвоночник — чтобы начать действовать.

По указу первого президента республики Николаева в Якутии дважды в год проходит «День здоровья». Вся Якутия бежит по указу президента. Пусть по указу. Пусть смеются. Но бегают. Объединяются. Превращаются в энергичный, деловой этнос — «саха-пассионариев».

Эрнст, известный «у озера в стороне»

В селе Туора-Кюель, название которого можно перевести как «У озера в стороне», живёт Эрнст Алексеев. Имя Эрнст на якутском языке трудно произносимо, поэтому его называют Эрнестом, как Хемингуэя. Хотя по роду деятельности Эрнст Александрович ближе к скульптору Неизвестному. Алексеев тоже скульптор, член Союза художников, автор оригинальной малой «талъниковой скульптуры» и не менее оригинальных могильников, а также исполнского мифологического, не знаю, как назвать, «мемориального комплекса», что ли, установленного в лесной чаще (об этом позже). Ещё Эрнст Алексеев — директор местной школы и результат исторической ассимиляции: у него русское лицо, хотя по-русски он почти не говорит. И от этого смущается. Совершенно не администратор, не понимаю, как он со всем справляется, наверное, берёт художественным началом.

То, что в школе директор — скульптор, видно с первого взгляда. Особое впечатление произвели на меня резные столбы — коновязи. Они стоят на футбольном поле рядом с обелиском в память погибших воинов — огромные, точно идолы с острова Пасхи или из Древнего Египта. Каждый год выпускной класс устанавливает один такой столб, наподобие того, как в других местах сажают деревья, — в итоге за годы педагогической деятельности Эрнста вырос лес этих впечатляющих столбов.

Алексеев — человек разносторонний: художник, скульптор, математик, геолог. У него объёмный взгляд на мир, он представляет, как под землёй лежат пласты, может вообразить структуру кристаллов, рисует карты и исследует разные предметы, развивающие у ребёнка пространственное мышление (тема школы, как положено, немного наукообразная, называется — «Формирование архитектурно-пространственного мышления как основы образовательного процесса в сельской школе Республики Саха»).

По мнению Эрнста, пространственное мышление — архетип якутов. Алексеев досконально изучил, как мыслит якутский плотник, начиная от изготовления старинной игрушки, и пришёл к заключению, что у мастера, по-якутски «ууса», сочетаются два качества: феноменальная жизнестойкость и преобладание духовного над материальным. Даже лопатка для выгребания навоза украшена орнаментом. Такое вот грубое, вещественное преобладание духовного над физическим. Возможно, благодаря этому, полагает Эрнст, предки и выжили.

Чего, к сожалению, нельзя сказать про современного человека. Перспективы выживания, судя по отношению, например к сельскохозяйственной технике, очень проблематичны. Едва ли не в каждой деревне в России у бывших колхозных гаражей можно увидеть свалки мятых, покореженных машин, как будто человек вымещал на сельскохозяйственной технике свою несчастную жизнь.

Совсем по-другому выглядит архетип человека в здешнем уникальном музее сельскохозяйственной техники, его вместе

с учениками собрал коллега Эрнста, учитель Егор Сыромятников. Он тоже мастер. И каждая вещь в этом удивительном собрании свидетельствует о мастерах.

Вот, показывают мне, соха, лемеховый плуг, пароконная сенокосилка фирмы «Крупп». Этим орудиям труда больше ста лет, а какой металл, и работают до сих пор. Поэтому «Крупп» и ценится.

Довоенная молотилка 30-х годов... Сноповязалка. «Самоскид» для уборки хлеба — сам скидывает. Назывался «Идеал». Вот какие вещи делали наши предки. Окачивается, во времена массовой коллективизации существовали индивидуальные, самодельные, ножные токарные станки.

ЗИС-5, легендарная «полуторка».

Паровой котел 1955 года — использовался в паровозах и пароходах, а в здешнем колхозе в конце 50-х — как электростанция.

Ярмо для быка. Жернова для мельницы. Колесо для молотилки, которое невозможно поднять даже мысленно, а у них в селе простой колхозник поднимал, и ещё считалось, что он не очень сильный человек...

Заведующий удивительным музеем Егор Иванович Сыромятников сказал, что Министерство сельского хозяйства, увидев это железо, хотело забрать его к себе, предложив взамен новый трактор «Беларусь», но они отказались. Народ у нас музейный, объяснили мне, любим музеи и сохраняем старое. А где вы всё это находите? По аласам, там когда-то были маленькие селения, которые называли «неперспективными». Но что-то осталось на этом месте — юрта, коновязь, ограда, трибуна, на которой шестьдесят лет назад праздновали День Победы, а мы, объяснили мне, проезжаем мимо, рыбачим в этих местах, охотимся, и это всё равно с нами. «Как сухое дерево, — напомнил мне мой спутник Николай Бугаев. — У нас не принято трогать то, что было раньше. Просто бережно к нему относимся».

Вернёмся к скульптору Эрнсту и его творениям. Про Эрнста говорят, что он возродил национальную культуру. Начиная с игрушек.

«Вот такими коровами мы играли в детстве. А это коровы-сани. Я только на них детей посадил».

Показывает и смущается. А вдруг не пойму, подумаю, безделица, вырезанная из тальника — обыкновенного кустарника, что растёт на озере. Срезаем этот кустарник, вырезаем... «Получается, — говорит Эрнст, подбирая с трудом слова, — сувенир и рассказ о нашей жизни».

Вот, «Любовь» называется. Лошади с головами, прикинутыми друг к другу...

Детская мебель, которую Эрнст увидел в разных семьях и сделал макеты, — чтобы осталось детям.

Национальная табуретка, вырезанная с помощью одного ножа, без единого гвоздя. Девять якутских табуреток, одна другой меньше, ставим вот так, друг на друга, — получается Пизанская башня. А одна в другую — русская матрёшка.

«Конструктор такой может быть для ребятшек», — поясняет Эрнст.

Следующий раздел — жилища. Макеты исследованных Эрнстом юрт с особыми углами, из разных местностей. Есть «таттинский угол». К жилищу относились очень серьёзно, как к гарантии жизненного благополучия и части мироздания. Всё было продумано: свет, вентиляция. Веками отобранная форма усечённой пирамиды. Чтобы было тепло, крышу обмазывали глиной, настилали в два слоя древесную кору, накрывали мхом, сверху дёрном... А летний дом назывался «ураса» — это якутский дворец в форме конуса, высотой пятнадцать метров.

А это фантазия, показывает Эрнст. Шутка. Тальниковый авангард. В идеале должно стать парковой культурой, оригинальным лицом села. Какое у села сейчас лицо? А тут «Коровушки», «Материнство» — мать с коляской, у которой квадратные колёса, катятся к новой жизни.

«Ну, жизнь с противоречиями», — объясняет образ Эрнст.

Завершают впечатляющую композицию предметы ритуальной службы.

Эрнст Алексеев внёс вклад в возвышение якутского народа, создав удивитель-

ную коллекцию макетов национальных могильников на основе забытых, заброшенных оригиналов. Глядя на них, видишь, как хоронили предков. На лабазах, в подвешенных на столбах домовинах, в шаманских могильниках... В виде избушки с крышей, похожей на дверной замок, и коньком — на ключ.

Культура смерти забыта, а тут не было случайностей. Каждая деталь что-то значила. Человек умел читать смерть так же, как жизнь. Проходя мимо могилы, по насечкам, орнаменту можно было узнать, кто умер, сколько ему лет, как его уважали...

Весь этот мир вещей, от рождения человека до смерти, Эрнст собрал и воспроизвёл. Издал три учебных пособия для учителей, с подробными рисунками, технологическими картами. И сам стал обучать учителей труда из разных школ. Первое время трудновато было, говорит, не могли ножом линию провести. А потом научились. И теперь, спустя двенадцать лет, во многих школах республики можно увидеть тальниковые игрушки. А на кладбищах по всей Якутии — могильники в форме маленьких срубов. То есть искусство пошло в массы.

Правда, самое крупное произведение Эрнста труднодоступно.

К нему надо продраться, как мы продирались через тайгу, по едва заметной дорожке, ехали через бурелом, выворачивая нутро, — другого пути туда нет, долго, невероятно долго преодолевали этот «кёс» пути, — а разве можно коротко, — к концу, к исходу, смыслу, вечности...

Почему в будущее можно попасть только через прошлое? По якутским поверьям, человек, умирая, уходит назад, в детородный орган своей матери, к своим предкам, к Мировому дереву. Вот для чего нужно мёртвое сухое дерево, которое не трогают; оно может стать Мировым деревом жизни, священным родовым деревом «Аал Луук Мас», соединяющим, как позвоночник, срединный человеческий божий мир, где мы живём, с иными сферами и мирами.

Сухое дерево. Мёртвое дерево. Вечное древо жизни. На одном якутском дереве видел изображения старейшин, писателей, государственных деятелей, выпускников школ...

В том месте, где продирались через бурелом, на неожиданно появившемся из глухой тайги открытом месте у реки в тридцатые годы был захоронен один из самых знаменитых в Якутии сказителей-олонхосутов. Его родственник показал место, и Эрнст стал ходить туда, сам не знаю, говорит, зачем, тянуло что-то. А тут одно к другому — в девяносто первом году проходил конкурс сказителей-олонхосутов Якутии, и к открытию этого конкурса, в память того олонхосута Эрнст решил создать композицию.

Месяц творил, а ученики и учителя, как подмастерья, помогали. И вот что получилось у этого лесного Микеланджело.

Композиция состоит из трёх частей. Первая часть — страна Олонхо: миры верхний, средний и нижний. Вторая часть — надмогильник олонхосуту. Третья часть — беседка, балаган — так якутски называется помещение для отдыха.

Первая часть — высокое сухое дерево, а под ним из коряг, сучьев, пней — «щука смерти», «бык смерти», черепа богатырей, людские мослы. Нижний мир. По иронии судьбы, прямо под тем пригорком, на котором Эрнст сотворил мифологическую преисподнюю, образовалась реальная — с проваленной землёй и изуродованным ландшафтом... Когда строили плотину, здесь рыли карьер, а вечная мерзлота — всё провалилось. И ясно видно, что не какие-то мифические чудовища, а человек, богатырь на железном коне из среднего мира сам превратил его в нижний.

А вот и он, за изгородью, — единственный и неповторимый мир, наш прекрасный мир, вырезанный Эрнстом на стволе и ветвях Мирового дерева. Вот его иерархия — начинающаяся с человека, а не заканчивающаяся им, вот населяющие мир звери и птицы.

В третьей части этого ни с чем не сравнимого мемориала, в балагане-беседке под огромной старой лиственницей, крона которой не пропускает ни капли дождя, мы отдохнули. Директор школы произнёс тост, принятый в таких случаях, гостевой, из старых времён. Надо признаться, это у Эрнста не очень получается. По натуре он человек не публичный. Мягкий, смущающийся человек — редкая черта в наше беззастенчивое время.

Редкая черта, редкая скульптура, другой такой, может, на целом свете нет. Ведь обычно скульптор делает напоказ, на всеобщее обозрение, а произведение Эрнста, как душа, спрятано в глуши...

Происхождение мастера

Судя по всему, сельская школа опять, как любят писать в газетах, «на пороге перемен». Но, кажется, не тех, которые ей предрекают: выход в Интернет, крупные школы, единые госэкзамены — это мы ещё поглядим. А вот другие перемены, которых никто, кажется, не ожидал, пришли сами.

С прошлого века и до перестройки школа именовалась «очагом культуры», «единственным культурным центром села». Такой сельская школа кое-где остаётся, от безвыходности. Но тот, кто только сейчас намеревается в плановом порядке превратить все школы в культурные центры, ищет прошлогодний снег. Потому что сменилась жизненная ситуация и сельская школа из единственного центра культуры стала, кажется, единственным на селе местом занятости — больше работать негде. Сельский учитель, а точнее, учительница, теперь единственный на селе работник, кормилец, а директор школы приобрёл, можно сказать, статус управляющего, помещика без поместья. Хотя кое-где и поместья уже появляются: знаю про школу, при которой есть подсобное хозяйство, куда принимают работать выпускников.

Но, понятно, что дать всем работу школа не может. И остаётся — что делать? Её организовывать.

Давайте зафиксируем эту нарождающуюся, парадоксальную (в экономически слабо развивающейся стране) ситуацию. Новый

этап сельского образования: школа — организатор новых рабочих мест. Центр социально-экономических инициатив.

Идея, кажется, заманчивая, но кто будет её осуществлять? Нет кадров, которые решают всё или хоть что-нибудь. И откуда взять?

История, которую я хочу рассказать, — о происхождении народного мастера. Считается, что это длинная, многовековая история. А она очень короткая.

Несколько лет назад Илья Аргунов, став директором родной школы села Игидэй, задумался, где найти мастеров, которые бы научили детей какому-нибудь полезному делу. Положим, кузнечному. А кузнеца — нет, народного мастера, «ууса» — как говорят в Якутии, в реальной жизни села нет, мифология одна. Так или примерно так говорили между собой молодой директор школы и его одноклассник Афанасий, на примере которого, кстати, можно увидеть, откуда берётся народный мастер.

Работал человек в Якутске на сувенирной фабрике. Закончил художественную школу. Захотелось, говорит, чтобы на родине тоже произошли какие-то изменения. Вернулся домой, встретился с Ильёй и стал вести в школе кружок технического творчества. Мастерили то, что пользуется спросом, — сенокосилки, самоходные агрегаты, вездеходы повышенной проходимости. Заинтересовались не только дети, но и взрослые. А что, если, подумали друзья-товарищи Илья и Афанасий, вспомнить, кто и чем у нас в классе занимался, какой был интерес. Вспомнили Алёшку, у которого была тяга к музыке, что-то мастерил. Варвара шила красиво. Софрон работал на пилораме, а хотел большего. Проконий ковырялся в металле...

Начали с этого разговора и постепенно собрали одноклассников (кто-то был здесь, кто-то в соседнем селе, а кто-то работал в городе, но послушал Илью и Афанасия и загорелся, решил попробовать). И сложилось то, что теперь называется Центром возрождения национальной культуры «Перевал».

Директора игидэйской школы Илью Ильича Аргунова, встретившего нас на огромной поляне перед школой с младенцем на руках (жена по делам уехала), я спросил: «В каком смысле «Перевал»?» «Во взрослую жизнь», — ответил он.

И представил своих народных мастеров. Я посчитал: три народных мастера Республики Саха (это тарификационная специальность, утверждённая правительством), четыре мастера-педагога (народных умельца), шесть педагогов дополнительно образования высшей категории...

Да откуда они взялись? А оттуда, из школьного выпуска. Рассказать подробно о каждом не хватит места, поэтому хотя бы о некоторых — фрагменты.

Алексей Хайдунов — человек «без специальности, без места жительства, без определённых занятий», как, шутя, представил директор своего бывшего одноклассника. Был кочегаром. Пять лет назад, когда открылся центр, окончил курсы и пришёл работать сапожником. Учил детей шить северную меховую обувь. Но влекло к музыке. Старинные якутские инструменты почти исчезли. Стал читать, ходил в музеи, расспрашивал людей. В одном селе натолкнулся на человека, у него был старинный струнный инструмент (позднее это вылилось в систему — поиск таких людей, народных мастеров, и обучение у них). Теперь Алексей — мастер по изготовлению и игре на старинных музыкальных инструментах, которые возродил. Делает двухструнную якутскую скрипку, разные барабаны, какой-то совершенно невероятный шаманский инструмент, похожий на огородное чучело: медные и железные трещотки, звон монет, бой барабана — детям очень нравится.

У мастера семь учеников разного возраста, мальчики и девочки уже сами делают инструменты, играют и поют...

Прокопий Быгынанов — в прошлом электрик, сторож, тракторист (возил в школе дрова). Теперь по рукописям народного мастера Мандара из Баяги делает с девятиклассниками якутские ножи. Спрашиваю: не страшновато, что ребята

с ножами? «Нет, — отвечает Прокопий, — они же с детства видят. А раньше нож давали четырёхлетнему ребёнку и он висел у него на поясе. Специально не обучали — просто смотрел, как работает отец, и что-то делал, игрушки себе вырезал».

Варвара Матаннанова учит ребят перешивать на себя одежду старших братьев и сестёр, шить нарядное платье (на каждый день односельчане и сами могут, а нарядное в школе заказывают).

Альберт Попов — не из этого выпуска, просто знакомый, бывший ученик физматшколы, шофёр, жокей — руководит местной телестудией, в штате у него 13 ребят, есть репортёр, диктор, два кинооператора... Когда я ходил по студии, мальчик снимал меня камерой.

Ещё есть парикмахеры, ювелиры, мастера по изготовлению кумысной посуды, которую президент Якутии, когда хочет сделать кому-то подарок, заказывает у них.

По видеозаписи я посмотрел, как тринадцатилетние ученики доят в летнем лагере диких кобылиц и осваивают технологию изготовления кумыса. Эта маленькая, довольно удалённая по нашим понятиям (день езды от Якутска) школа изготавливает более десяти сертифицированных национальных напитков из кобыльего молока: «чёрный кумыс» на каждый день, кумыс с маслом или сметаной, «крепкий кумыс» (с градусом). Ещё — кислое коровье молоко с польнью, напиток из чаги, берёзовый сок, смородиновый, есть напиток вроде вина из одуванчиков, как у Рэя Бредбери. Фантастика? Я рассматривал сделанные с помощью компьютерной графики фирменные этикетки, они наклеены на бутылках всех этих чудесных напитков, которые пользуются большим спросом по всей Якутии. Школа вышла на рынок. Причём с продуктами, производство которых требует не столько физических усилий, сколько интеллектуальных (школа даже иллюстрирует по договору детские книжки, издаваемые в Якутске).

Теперь смотрите, что получается: в школе 247 учеников и каждый вместе с аттестатом зрелости получит вот такое удостоверение, которое учителя разработали и утвердили вместе с Министерством образования республики: «прошёл двухгодичную подготовку и получил дополнительное образование по такой-то специальности».

Как третье имя, которое, по якутским обычаям, получал ребёнок, проявивший себя в каком-то роде деятельности.

Пропуск во взрослую жизнь.

Центр возрождения национальной культуры «Перевал» расположен в недавно ещё заброшенном учительском общежитии. Теперь его не узнаешь, всюду кипит работа. Мастерские открыты целый день и любой человек может прийти и что-то сделать своими руками.

Кое-что я видел. Веер из тетеревиных перьев. Ковёр-азбуку с буквами якутского алфавита. Или картину из белого и коричневого песка под названием «Мечта охотника». Сидит один, скрестив руки, закрыв глаза, а на голове у него лось стоит. Хочется сказать: охотник, чего спишь, просыпайся!

«Мой горн уже горит»

Не знаю другого такого случая, когда взгляды рядом живущего человека, односельчанина, его жизнь и деятельность, протекающие по соседству, кладутся в основу концепции школы, образования и воспитания. А в Баяге, как я понял, пытаются это сделать, опровергая утверждение о том, что нет пророка в своём отечестве.

Удивительно, не Ян Амос Коменский, не Монтессори, не Эльконин или Давыдов. Обыкновенный человек, сельский кузнец.

Правда, не рядовой, а достигший, согласно существующей в якутской мифологии табели о рангах, самого высокого уровня мастерства. «Уус» высшей категории. Народный мастер Якутии, художник, этнограф. Свои книги, переведённые на разные языки мира (в Японии с его фотографией вышел перекидной календарь нового тысячелетия), он неизменно подписывает: «Кузнец Мандар».

Мандар Барыс, по-русски Борис Фёдорович Неустроев. На пророка похож мало. Худенький, прыгучий, чемпион по ходьбе на длинные дистанции.

Просторное село на горках... Запомнилось: костёр горит, полная луна, ветерок метёт, как пурга, белую пыль. Племянница Мандара, десятиклассница, написала работу о восприятии цвета народом Саха. Двадцать оттенков белого цвета. Дядя поправил — сорок. Белый с оттенком льда. Снежно-белый. Белый, как седина. Белый снег на широком поле в степи. Белый, как масть лошади. Белый, как лебедь. Как облака. Небесно-белый...

Это его родина. Имя предка — неизвестно, когда он жил, только имя сохранилось — Союппат, означает «никогда не гасите огонь в горне» или «не позволяйте ему остыть» — так можно перевести. От этого предка по отцовской линии пошла родословная. Луковцевы, Тордуины, Неустроевы — были кузнецы. А Мандаровы, Чаховы, Дедюкины — краснодеревщики. В старину ремесло было родовым занятием.

В советское время традиция прервалась. Но в наши дни, когда стали смотреть, оказалось, что ребята любят мастерить то же самое, что их предки. Пробуешь, говорит Мандар, учить такие-то фамилии кузнечному делу — не хотят, а к столярному тянутся.

В человеке продолжает жить генная сила.

Поэтому вот первое правило педагогики по Мандару: «Сначала изучаем предков ребёнка, только потом направление даём, тогда человек быстрее развивается, не сопротивляется природе, идёт по своему пути».

Он с детства — путешественник. Первый раз, когда переночевал на лесной опушке, было ему четыре года.

Когда ходил в природу, всё время копался в старых вещах — игрушки, хлам всякий попадает в брошенных жилищах. Думал — что это, для чего? Привык изучать, трогать старые вещи. От них через руки тепло проходит по всему телу и сразу ощущаешь своих предков.

Рывками работать не любил. Якуты вообще не умеют работать и жить рывками, они тянут. Долго, медленно. Чем медленней крутятся жернова, тем качественней помол. Тут и реки медленные.

Маленькая мастерская Бориса Фёдоровича Неустроева-Мандара, где горн горит. Очень маленькая печь. Очень старый дом. В кузнице всё время кто-нибудь находится, с утра до глубокой ночи. Всё время в эту маленькую комнату очередь: совхоз распался и кроме мастерской Мандара других в селе нет. Приезжают и из других мест, те, кто хочет вникнуть поглубже в кузнечное дело, тогда он учит. Живут у него неделю, месяц, сколько смогут, и учатся. Мандар смеётся: бесплатное училище.

В это училище к нему приходят маленькие дети. И кузнец Мандар учит их, когда они начинают крепко держать молот в руке. Никакого расписания нет, когда хотят, тогда и приходят. И только кто хочет. У кого кровь предков играет в жилах — это сразу даёт фору и формирует привычку не бояться огня, умение побороть твёрдость металла, закалить клинок. После этого человек чувствует себя мужчиной. Маленькие ребята, кузнецы в десять, двенадцать, тринадцать лет, они уверенно смотрят и с человеком разговаривают. Уже мужчинами себя чувствуют. Гордые такие, не хотят уступать. Вот такими тоненькими ручками начинают ковать металл. Сил физических — мало. Но азарта, силы духа — очень много. Побороть металл, побороть себя. Здешние мальчишки расхлябанные, как везде, а начнут с металлом работать — подтягиваются. Если работаешь с металлом, нрав становится мягкий. А человек — уживчивый и весёлый.

Петь хочется. Мандар прикладывает металл ко рту, и раздаётся фантастический звук. Длинный, амплитудный звук хомуса. Амплитуда колебания язычка хомуса должна совпадать с биоритмом хозяина, тогда получается высокая игра.

Чудный инструмент. Самый близкий человеку, как и свирель. Когда играешь на хомусе, состояние человека, здоровье,

как ему живётся — всё передаётся инструменту.

Человек сам себе инструмент и может сыграть любую мелодию. Вибрация закалённой стали очень быстрая и получается чистый звук. Очень тонкое дело — закалывать язычок хомуса. Мандар учит этому своих учеников, но до совершенства доходят не все. Иногда даже он не может дойти до совершенства...

Так он уходил и возвращался и из заброшенных старых жилищ, из хлама, от стариков приносил рисунки. Много листов с изображением орнаментов, которые перерисовывал с разных вещей. На обороте каждого листа: что это такое, откуда взял, когда сделано — данные о вещи. Этнографически точная копия вещи в единственном экземпляре.

Глядя на эти вещи, испытываешь гордость за предков. Тяжёлые, знающие себе цену, дорогие, торжественные. Тяжёлые и в то же время — ажурные. Эти серьги — как будто стоящие женщины. А по этим ступенчатым деталям считали детей, родственников, богатство. Восемнадцать сантиметров длиной, ниже плеч, в виде подковы, ключа, замка двери. Есть даже, в двух видах изображено, — спереди надувающаяся змея, а сбоку — ухватывающая себя за хвост вечность...

Мандар вырисовывает каждую бисеринку, бусинку и оттеняет пространство, чтобы было лучше видно. Волка ноги кормят, а его — память и руки. На один рисунок иногда уходит полмесяца. А у него их тысячи...

Издано 400 рисунков на дереве, ждут своей очереди орнаменты на одежде, металле, кости, бересте, глине...

Кажется, что через эти якутские орнаменты на нас смотрят глаза предков. Согласно психологическому эффекту, видишь то одно, то другое, узор превращается то в театральный занавес, то во взявшихся за руки людей. Как будто он обучает нас, идёт от простого к сложному: от детской берестяной игрушки, ягоды-малины, завитушки и сердечка — к солнечному кругу, вселенной и жизни человека в ней. А мо-

жет быть, нет ничего простого — всё сложно. Или всё просто, но как прочесть и понять то, что написано?

Когда-то предки Мандара обладали письменностью, а потом утеряли. Есть легенда: прародитель якутов плыл на корабле, плохо привязал книгу, она утонула. Теперь только на скалах по Алдану, Лене встречаются письмена, тюркские рунические знаки... А когда письменность пропала, стали говорить орнаментом. Ведь орнамент — мать письменности, каждая закорючка что-то значит, каждый вид орнамента — это отдельный смысловой рассказ. Благодаря своему смыслу орнамент и сохранился, считает Мандар, а если бы был только украшением — вряд ли.

В советское время, это я уже думаю вслед за Мандаром, все эти «сухие деревья», орнаменты, ритуальные танцы и шаманские пляски власть принимала за фольклор, и — слава Богу. Поэтому сохранилось. И хотя мало кто мог прочесть эти идущие из веков послания, даже не понимая смысла, люди что-то чувствовали, испытывали другие чувства, чем «весь советский народ».

Может быть, поэтому остались людьми. Этносом, у которого под ногами не только вечная мерзлота, но культурная почва. Символы, знаки, образцы поведения, нравственные ограничения. Мёртвый язык, на котором, считается, народу заговорить невозможно, — но ведь заговорили же.

У Мандара — десять собственных книг, ещё к двадцати книгам сделал иллюстрации. Оформляет книги поэтов, которых любит, близких по духу, философских. Иллюстрировал переведённую на русский и английский книгу Алексея Кулаковского, якутского Нострадамуса.

Рисунки Мандара очень выразительные.

Вот концепция кузнеца Бориса Мандара, опирающаяся на народный эпос.

Есть девять ступеней умственного развития человека.

Первая — «мать-разум», даётся свыше, из космоса, от космического разума. На солнце бывают вспышки, протуберанцы, мать-разум испускает лучи и лелеет другой тип разума, который оформляется у ребёнка до семи лет. Ребёнок ходит, ищет, творит — «движущий разум».

С семи до четырнадцати наступает пора «разума спорящего». Человек спорит, истину хочет найти.

Потом развивается «вперёд идущий ум», вперёд смотрящий, вперёд думающий. Человек начинает планировать жизнь, думать о будущем. Название следующей ступени можно перевести на русский язык как «ясновидящий разум». Человек созревает, смотрит ясно вокруг, вперёд, туман проходит, колебания проходят.

Самая высшая точка развития человеческого ума, по якутской народной педагогике, — разум сказителя и кузнеца.

Не только кузнеца, а любого мастера, который достиг высшего мастерства в своём деле и принёс наибольшую пользу людям. Реализовал своё предназначение.

Проявление человека как мастера — высшая точка развития его разума. «Дальше, — говорит Мандар, — боги идут...»

Ночлег закончен. Горит горн. В селе собираются кузнецы. Они сообща достают топливо, пользуются общими инструментами. Маленькое общество мастеров, куда приходят дети. Может, это и есть школа?

Вопрос в том, как соединить эту необычную школу мастеров с обычной. Не могу сказать, что в Баяге это уже сделано. Но хотят сделать. Думают, как.

Я видел огромные склеенные листы родословных, составленных детьми вместе с родителями (некоторые доходят до 11-го колена). Листал авторские работы учителей и учеников. Одна называлась неожиданно: «Структура мыслительной деятельности охотника».

Схема в виде концентрических кругов.

Как мыслит охотник? Вначале он думает глобально (условия жизни очень жёсткие — пояснили мне) — надо выжить.

Идёт от общего к частному: выбирает местность, где можно поставить силки, капканы, изучает повадки зверя, миграцию, всё учитывает.

От общего к частному — типичное движение охотника, «бул-чут» — «ищушего». Охотник должен жить без собственного расписания, а иметь в виду расписание зверя. Иначе из охотника, объяснили мне, он может превратиться в добычу, потому что зверь будет чувствовать его расписание.

Это одно из обоснований ненужности расписания уроков в школе.

«В якутской народной педагогике, — проинтерпретировал эту ситуацию мой верный спутник Николай Бугаев, — ученик должен идти к знанию как на охоту или как на войну. Если только, — заулыбался он, — вы не избрали путь шамана...»

Но это уже другая история. ■

